

Информационно-пропагандистская работа в системе Министерства внутренних дел, в том числе и информационное противодействие, реализуются в двух аспектах, условно их можно назвать внешними и внутренними.

Внешний аспект заключается в проведении информационных мероприятий, направленных на формирование объективного общественного мнения о характере деятельности органов внутренних дел, в интересах укрепления законности и правопорядка, положительного имиджа сотрудников. Подготовка и проведение таких мероприятий возложены на подразделения информации и общественных связей Министерства внутренних дел.

Не менее важным является внутренний аспект информационно-пропагандистской работы (ИПР), за организацию которой несут ответственность подразделения морально-психологического обеспечения управлений (отделов, отделений) по взаимодействию с личным составом региональных и территориальных органов внутренних дел. В рамках проведения ведомственных мероприятий формы ИПР призваны сформировать у сотрудников настрой на качественное выполнение задач повседневной деятельности и стать мощным фактором повышения их морально-психологической устойчивости. При этом они являются эффективным средством воспитания у сотрудников государственно-патриотического мировоззрения, понимания традиций служебного долга и верности присяге, норм морали и общественной нравственности.

Эффективность информационного противодействия и защиты личного состава от негативного информационно-психологического воздействия зависит прежде всего от учета информационных возможностей противоборствующей стороны, характера восприятия сотрудниками силовых структур поступающей информации, оснащенности органов управления современными техническими средствами воспитания.

Большое значение также имеют анализ реального морально-психологического состояния сотрудников и складывающейся обстановки, комплексный подход и системный характер проводимых мероприятий, необходимость корреляции с другими видами морально-психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности.

Решению этих задач способствует обращение к военно-политической истории нашей страны, приобщение к истокам патриотизма и гражданственности. Объединяющий потенциал героических традиций защиты государства позволяет считать патриотизм национальной идеей общества [3, с. 78].

Учет вышеуказанных факторов и реализация соответствующих мероприятий позволит обеспечить эффективность информационно-ком-

муникативной деятельности органов внутренних дел Республики Беларусь, в том числе и в информационном противоборстве.

Список использованных источников

1. Корнев, А.П. Основы управления в органах внутренних дел / А.П. Корнев. – Минск : БГУ, 1998. – 360 с.
2. Васильев, Н.Н. Правоохранительные органы в системе государства / Н.Н. Васильев ; под общ. ред. Н.Н. Васильева, Ю.Ф. Кваши. – М. : Норма, 2010. – 420 с.
3. Гуцин, С.В. Система внутренней безопасности: сущность, структура, функции / С.В. Гуцин. – М. : Юрист, 2006. – 480 с.

Дата поступления в редакцию: 14.09.2022

УДК 316.334:008 + 008

С.В. Масленченко

СОЗДАНИЕ И ЛЕГИТИМАЦИЯ СИСТЕМ ИДЕЙ В РАБОТЕ Ж.-Ф. ЛИОТАРА «СОСТОЯНИЕ ПОСТМОДЕРНА»

Определяется применимость концепции Ж.-Ф. Лиотара о конструировании социальной реальности при исследовании информационного общества и манипуляции с информацией. Установлено, что легитимация систем идей обеспечивается коммуникацией социальных субъектов, в ходе которой системы идей принимаются на основе консенсуса экспертов и утверждаются самим обществом. Возможность искажения информации обусловлена природой речевой коммуникации, денотативностью и конотативностью единиц информации, правилами «языковой игры», санкционированными отдельными социальными группами и институтами, другими факторами. Выделяется ряд условий нейтрализации манипуляций с информацией.

Ключевые слова: конструирование социальной реальности, манипуляция, идея, система идей, легитимация.

S. V. Maslchenko

CREATION AND LEGITIMIZATION OF SYSTEMS OF IDEAS IN THE WORK OF J.-F. LYOTARD 'THE STATE OF POSTMODERNITY'

The article defines the applicability of the concept of J.-F. Lyotard on the construction of social reality for the study of the information society and the manipulation of information. It has been established that the legitimation of systems of ideas is ensured by the communication of social subjects, during which systems of ideas are accepted on the basis of expert consensus and approved by society. The possibility of

distorting information is due to the nature of speech communication, the denotative and connotative nature of information units, the rules of the 'language game', which are sanctioned by individual social groups and institutions, and other factors. A number of conditions for neutralizing manipulations with information are distinguished.

Keywords: construction of social reality, manipulation, idea, system of ideas, legitimation.

Информатизация общества во второй половине XX в. существенным образом изменила не только социально-экономические основы его существования, но и основания понимания и интерпретации происходящих трансформаций. «Классические» исследовательские подходы, основанные на постулатах рациональности, детерминизма, универсализма, позитивизма уже не в полной мере способны постичь суть общества эпохи постиндустриальности. В 1960–1980 гг. формируется группа новых методологических подходов к интерпретации реальности, представленных в работах Ю. Хабермаса, Н. Лумана, Э. Гоффмана, А. Гоулднера, А. Турена, М. Калона и др. Среди этих многочисленных попыток объяснения происходящего особое место занимает концепция Ж.-Ф. Лиотара, изложенная в труде «Состояние постмодерна» (включен в список литературы для прочтения по учебной дисциплине государственного компонента «Современная политэкономия»).

Первый всплеск интереса к данной работе на постсоветском пространстве отмечается с 1990-х гг.: И.В. Цурина «Социально-политический контекст философии постмодернизма» [11], Т. Пэнгл «Облагораживая демократию. Вызов постмодернистского века» [8], М.А. Можейко «Становление теории нелинейных динамик в современной культуре: сравнительный анализ синергетической и постмодернистской парадигм» [7], Н.А. Терещенко и Т.М. Шатунова «Постмодерн как ситуация философствования» [10], А.В. Марков «Постмодерн культуры и культура постмодерна» [4] и др.

Большинство исследователей наследия Ж.-Ф. Лиотара фокусировали свое внимание на его теории справедливости, трактовке постмодернизма, критике универсализма науки. Проблема создания и легитимации идей о социальной реальности (как часть проблемы конструирования социальной реальности) пусть и не была основной в творчестве французского мыслителя, но долгое время оставалась неисследованной. Отдельные упоминания о лиотаровской концепции формирования знания о действительности можно встретить в трудах ряда постструктуралистов и их критиков: Б.В. Маркова [5], М.А. Можейко [6], В. Штегмайера [12] и др.

Использование герменевтического метода (Г.-Г. Гадамер, В. Дильтей, П. Рикер, Ф. Шлегель, Ф. Шлейермахер и др.) дает эффективный инстру-

ментарий исследования работы Ж.-Ф. Лиотара как текста и позволяет получить объективное толкование сущности создания и легитимации знания о действительности. Применение структурно-функционального метода позволяет выявить креаторов знания и их функциональный потенциал в ходе объективации, институционализации, легитимации идей и их систем.

Уже в начале своей работы Ж.-Ф. Лиотар утверждает, что одной из важных особенностей эпохи «модерна» (ситуации «модерна») выступает легитимация рассказов, которые изначально конфликтуют с самой наукой. Последняя традиционно открыто легитимирует свой гносеологический статус и эксплицитно легитимирует часть рассказов, особенно «великие рассказы», на которые она опирается, тем самым создавая метанарратив (систему универсальных знаков и знаковых систем (понятий, суждений и умозаключений, формирующих единый тип конструирования реальности) – авт.). По мнению Ж.-Ф. Лиотара, после эпохи рассказов наступает время «постмодерна», под которым им понимается не только «состояние знания в современных наиболее развитых обществах» [3, с. 9], но и вся культура постиндустриального общества.

В эпоху «постмодерна» следует реализовать «недоверие в отношении метарассказов» [3, с. 10] (провести деконструкцию метанарративов – авт.), поскольку в них «нарративная функция теряет свои функции <...>, расплывается в облаках языковых нарративных, а также денотативных <...> частиц, каждая из которых несет в себе прагматическую валентность» [3, с. 10–11]. Конструирование социальной реальности, выраженное в «знании о бытии» (есть не что иное, как система идей – авт.) в эпоху модерна осознанно/неосознанно скрывает/теряет конотативные смыслы, формируется на основании единой «полезной» цели, определяемой заказчиком системы идей/господствующей парадигмой.

Французский мыслитель полагает, что значительная часть вариантов конструирования реальности (знание о бытии) и ее интерпретации обусловлены «языковыми играми», в которых «решающие инстанции» (заказчики и креаторы систем идей – авт.) могут пытаться управлять метанарративами. В эпоху постмодерна нужно подвергнуть деструкции метарассказы, что в гносеологическом плане приведет к новому пониманию реальности, а в онтологическом – к потере монополии власти на знание [3, с. 12]. Основанием нового конструирования реальности и ее понимания и толкования будет не «гомология экспертов» (схожесть нарративов экспертов (в культурном контексте – единообразие стилей, образов и форм, в политическом – схожесть мнений, в научном – парадигмальность знания и т. п.) – авт.), а «паралогия изобретателей» (многообразие противоречивых «знаний о мире» большого числа заказчиков и креаторов идей и их систем – авт.).

В новую эпоху «знание о бытии» перестает быть внутренним «действием» «знающего» (неразрывно связано с формированием разума – авт.), оно с каждым годом все больше подвергается экстернизации. В ситуации «после рассказов» знание становится товаром, что предполагает многообразие и противоречивость моделей конструирования реальности, их понимания и интерпретации (в культурном контексте – плюрализм социокультурного выражения, в политическом – плюрализм мнений, в научном – многообразие исследовательских программ). Ж.-Ф. Лиотар полагает, что разрыв между развитыми и развивающимися государствами продолжит увеличиваться в том и числе за счет более динамичного развития науки в первых [3, с. 19].

Все имеющееся знание Ж.-Ф. Лиотар делит на две части: научное и нарратив. В воздействии на мышление важное место занимает вопрос легитимации, которая традиционно происходит в результате «языковой практики» и «коммуникационного взаимодействия» социальных субъектов [3, с. 101].

Например, знание «должно удовлетворять такой совокупности условий, чтобы восприниматься как научное» [3, с. 27]. Аналогичная ситуация наблюдается в праве, политике, этике и иных сферах, поскольку они используют «родственные языки» (род (-ы) языка) и общие ценностные установки, обобщенно называемые французским мыслителем «Запад» (западная цивилизация – авт.). Контроль над знанием – это вопрос реализации власти, поскольку тот, «кто решает, что есть знание, и кто знает, что нужно решать» [3, с. 28] обладает силой принуждения.

Опираясь на логико-философский подход Л. Витгенштейна, Ж.-Ф. Лиотар представляет коммуникацию как «языковые игры», которые включают в себя язык как знаковую систему (с «эффектами» денотата и конотата), отправителя, получателя информации, референт и сам процесс взаимодействия [3, с. 32]. При этом правила формируются и (или) самоформируются, они «составляют предмет соглашения – явного или неявного» (слабость подхода в том, что он строится на достижении консенсуса для продолжения игры, что невозможно в ситуациях антагонизма систем идей (идеологий) – авт.). Используя методологию Ч. Пирса и Ч.У. Морриса, Ж.-Ф. Лиотар анализирует устанавливающие социальные связи «языковые акты» (в терминологии Дж. Р. Серля – исходные базовые единицы речевой коммуникации; в теории социальной динамики – аналоги социального акта), пытаясь выявить их прагматические аспекты [3, с. 29].

По мнению Ж.-Ф. Лиотара, западная наука второй половины XX в. предлагает два подхода в понимании общества: парсонсовский, рассма-

тривающий социум как функциональное саморегулирующееся целое, и марксистский, позиционирующий общество как противостояние двух частей. В 1950–1970-х гг. «в странах с либеральным и прогрессивно-либеральным правлением происходит преобразование <...> борьбы (классовой борьбы – авт.) и ее руководителей в регуляторы системы; в коммунистических странах происходит возвращение, под тем же именем марксизма тоталитарной модели и ее последствий» [3, с. 39]. Инструментами «программирования системы» используются «знание о бытии», сконструированное на основании «Капитала» К. Маркса, и критика общества отчуждения, тесно связанная с философией марксизма.

Эти два подхода определили распространение двух дискурсов в научной среде, предлагающих разные системы конструирования социальной реальности. Отсюда Ж.-Ф. Лиотар полагал, что для понимания сущности бытия необходимо понимание самого общества, в котором знание о нем создается. При парсоновском подходе знание выполняет определенную функцию в системе социума («функционализм знания»), его дисциплинарным воплощением выступает кибернетика, материальным – техника. При марксистском подходе знание выполняет критическую функцию в противостоянии двух антагонистических систем конструирования реальности («критицизм знания»), его дисциплинарным воплощением выступают критика политической экономии и учение о неких ценностях и целях (вопрос о материальном воплощении остался нераскрытым – авт.).

В концепции Ж.-Ф. Лиотара постиндустриальное общество движется по пути «отчуждения управляющих» от процессов конструирования реальности (в экономическом аспекте – от экономических процессов) и передачи функций создания, накопления и распространения «знания о бытии» (информации в терминологии французского автора – авт.) технике, что вызывает трансформацию механизмов развития правящего класса, который будет формироваться не столько посредством политической сферы и политической деятельности, а сколько вовлечением представителей разных социальных групп и институтов в процессы управления техникой, в процессы конструирования социальной реальности. На уровне потребителей «знания о бытии» не происходит полная атомизация индивидов: разрываются социальные связи, обусловленные этническими, конфессиональными и иными культурными традициями прошлых исторических эпох, и одновременно создаются новые, более мобильные (в терминологии подходов М. Вебера, П. Сорокина – авт.) социальные отношения.

По мнению французского мыслителя, человек в информационном обществе выступает своеобразным «узлом коммуникации» (в терми-

нологии теории систем – авт.), через который проходят пути сообщений, в том числе о нем и от него. При этом «языковые игры» обеспечивают «необходимый для существования общества минимум связи» [3, с. 46] (обмен информацией – авт.). По мере роста роли информации в современной культуре и обществе возрастает и роль языка в процессах коммуникации. Речевая коммуникация может выступать в форме «манипуляционной речи», «монолога» и «диалога» [3, с. 46–47], а сами сообщения не просто передают информацию, а несут еще конотативные смыслы. Именно благодаря «атомам» (отдельным индивидам и социальным группам – авт.) конструирование социальной реальности перестает быть монополией власти (отдельных институтов, как это было, например, в Средневековье – авт.), а становится участью множества социальных субъектов.

«Языковые игры» включают в себя ожидаемые/неожиданные для участников коммуникации «приемы» (установленные и новые правила коммуникации – авт.), которые упрощают или усложняют процессы передачи информации. Для раскрытия теоретической и практической сути этих «игр» Ж.-Ф. Лиотар наряду с коммуникативной теорией использует теорию игр (Э. Гоффман [15], А. Гоулднер [14], А. Турен [18], М. Калон [13]). В свою очередь, социальные институты «накладывают ограничения на игры», что «по-видимому, не составляет особой трудности» [3, с. 49] для них по причине наличия механизмов насилия. Диктуемые ими правила включают запреты на озвучивание некоторых «вещей», отдают предпочтение в коммуникации «некоторому классу высказываний», отражающих/утверждающих господство дискурса социального института или их совокупности. Очевидным и «крайним» проявлением этой тенденции является бюрократизация [3, с. 49].

Установленные/устанавливаемые границы дозволенного весьма условны: даже в тех случаях, когда они формально имеются, всегда существуют возможности их преодоления, обусловленные, например, хотя бы случайностью, «атомизацией» индивидов, латентным протестом отдельных элементов «институций» или всего социального института (в терминологии Ж.-Ф. Лиотара – «современные институты знания» – авт.).

«Современные институты знания» выдвигают требования к «знанию о бытии»:

- а) предметы, к которым относятся высказывания, определяемые «институцией» как денотативные, должны быть эксплицитно наблюдаемыми;
- б) «имеется возможность решать, принадлежит или нет каждое из этих высказываний языку, который эксперты считают релевантным» [3, с. 52];
- в) «знание о бытии» включает в себя не только денотативные, но и некие конотативные смыслы (в терминологии Ж.-Ф. Лиотара прест-

крептивные и оценочные высказывания: квалифицированность, справедливость, добро, красота, чувствительность и т. д. [3, с. 52]);

г) санкционированное «институцией» «хорошее знание» близко к обычаю, соответствует критериям легитимации, устанавливаемыми культурой народа (знание как социальный конструкт или знание как культура [3, с. 53]).

В историческом срезе формирование традиционного знания начинается с нарративной формы (исследования В. Проппа [9], К. Леви-Стросса [1], Г. Рохайма [16]). Рассказы как ранняя нарративная форма, получившая и последующее распространение, выступают социальными конструктами, а) укоренившимися/укореняющимися в культуре; б) постоянно отсылающими к истории, обычаям и традициям этноса, народности, народа; в) дающими «легитимность общественным институтам (функция мифов), <...> положительные или отрицательные модели интеграции в установленные институты (легенды, сказки)» [3, с. 55]; г) включающими в себя множество дополнительных смыслов. Кроме того, правила рассказа закрепляют его прагматику: рассказ дает слушателю компетенцию стать рассказчиком, а сам рассказчик, впоследствии, может стать героем рассказа;

д) указывающими на «идентичность всех обстоятельств рассказа», при этом «референция рассказов может <...> принадлежать прошедшему времени, но в действительности она всегда современна акту „здесь и сейчас“» [3, с. 59].

Рассказы выступают некой коллективной практикой, «определяют критерии компетенции и/или иллюстрируют ее применение, <...> определяют, что имеет право говорить и делаться в культуре, и поскольку они сами составляют ее часть, то тем самым оказываются легитимными» [3, с. 61]. Фактически для нарративного знания легитимация не имеет большого значения; оно «не прибегает к аргументации или приведению доказательств» [3, с. 69] и толерантно рассматривает научное знание «как разновидность в семье нарративных культур» [3, с. 69] (в подтверждение этого тезиса Ж.-Ф. Лиотар ссылается на исследование К. Леви-Стросса «Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль» [2]).

В свою очередь, любое научное конструирование реальности должно соответствовать ряду «предписаний»:

- а) «отправитель говорит истину о референте» [3, с. 62] (у референта имеются доказательства истинности тезиса, исключаящие противоположное или противоречащее ему высказывание (закон исключенного третьего – авт.);
- б) получатель либо соглашается, либо отвергает то, что сообщает ему референт (у получателя имеются доказательства истинности/лож-

ности тезиса (в случае истинности – соглашается, в случае ложности – должен обладать контраргументами); отсюда получатель и отправитель в процессе коммуникации у Ж.-Ф. Лиотара имеют одинаковый гносеологический статус: они «ровня» [3, с. 63];

в) «референт «выражен» через высказывание в форме, соответствующей тому, чем он является» [3, с. 63]. При этом узнать, чем же он является, можно лишь через высказывание (что можно охарактеризовать, как логический круг – авт.). В итоге высказывание принимается на веру, тем самым легитимируется и легитимирует референт; возникает «консенсус» между партнерами коммуникации.

Ж.-Ф. Лиотар различает два субъекта конструирования социальной реальности посредством науки:

ученый («способен сформулировать истинное высказывание на предмет некоего референта» [3, с. 66]);

специалист («может сформулировать высказывания, верифицируемые или фальсифицируемые на предмет референта, принимаемое экспертами» [3, с. 66]). Ему нужен получатель знания, который, в свою очередь, может выступать отправителем информации («партнером» в терминологии Ж.-Ф. Лиотара – авт.). Истинность знания зависит «от одобрения коллектива равных по компетенции <...> следовательно, необходимо формировать равных» [3, с. 65], реализовывая обучающую функцию.

Кроме того, научное знание содержит в себе «исследовательскую» и «обучающую» игры. Так, в первом акте обмена информацией получатель не обладает компетенцией, а по мере возрастающего числа актов взаимодействия, он становится более компетентным, со временем достигая уровня компетентности отправителя («обучающая игра»). Специалист (эксперт) «может дать» реципиенту информацию о том, «что он не знает, но хочет узнать» [3, с. 65], побуждая в получателе исследовательский интерес и давая ему исследовательскую прагматику («исследовательская игра»).

Наличие «языковых игр», множество участников коммуникационных процессов создают возможности для манипулирования информацией. Пытаясь избежать такого сценария, наука как креатор идей и их систем вырабатывает ряд правил:

«научное знание требует выбора одной из языковых игр – денотативной, и исключения других» [3, с. 66]. Высказывание приемлемо, если оно истинно;

научное знание становится сферой определенной профессии, на обыденном уровне не устанавливает социальные связи, что и нарративное знание;

научное знание объективируется в форме научных институтов, взаимодействие которых с обществом носит особый характер;

научное знание «всегда находится в опасности „фальсификации“» [3, с. 67] проверяется «аргументами и доказательствами», а его высказывания не обладают «силой законности», как у нарративного знания.

В итоге вопрос легитимации знания о реальности в работе «Состояние постмодерна», как и в трудах К. Мангейма «Идеология и утопия», П. Бергера и Т. Лукмана «Конструирование социальной реальности», имеет фундаментальное значение не только для понимания и интерпретации бытия, но солидарного существования граждан, общества и государства. «Научное знание нуждается в легитимации, постоянно ставит под сомнение легитимность нарративного знания и утверждает, что рассказы «никогда не подчиняются аргументам и доказательствам» [3, с. 70], относит их к высказываниям, строящимся на «мнении, обычаях, авторитете, предубеждениях, незнании, идеологии», «являются вымыслами, мифами, легендами» [3, с. 70].

За столетия правила нарративной игры существенно укоренились в культуре (этому способствует и традиция), и, по мнению Ж.-Ф. Лиотара, их влияние наиболее сильно проявляется в специфике человеческого мышления (обыденное сознание) и масс-медиа [3, с. 72], да и в целом в феномене массовой культуры. Кроме того, нередко научное знание для решения вопроса легитимации прибегает к нарративу. По утверждению Ж.-Ф. Лиотара, «рассказы, легитимирующие знание» бывают двух видов:

политический: субъект – «человечество как герой свободы» с правом на науку, реализации которого могут противодействовать «духовники и тираны» [3, с. 80], либо нация, от имени которой действует государство; игра легитимации – государственно-политическая; впервые реализовано в наполеоновской Франции;

философский: субъект – «спекулятивный дух» (в терминологии «науки о духе» В. Дильтея и др. – авт.) и воплощен в «Системе» (в терминологии И. Фихте и Ф. Шеллинга), а «государство может адекватно выражать народ только посредством спекулятивного знания» [3, с. 85]; знание строится на трех началах «выводить все из первоначала» (научная деятельность), «соотносить все с идеалом» (этическая и социальная практики), «объединять это первоначало и этот идеал в единой Идеи» [3, с. 83] (истинные причины, исследованные наукой, совпадают со справедливыми целями в нравственной и политической жизни); игра легитимации – философская; впервые реализовано в Германии при создании Берлинского университета («„спекуляция“ – <...> имя, данное дискурсу о легитимации научного дискурса. Школы – функциональны,

университет спекулятивен, т. е. философичен» [17]). При этом философия соединяет разрозненное знание множества наук и доуниверситетское знание, как «отдельные моменты в становлении духа» в «рациональной метанаррации» [3, с. 84]. В итоге «настоящее знание – это всегда не прямое знание, сформированное из относительных высказываний и инкорпорированное в метарассказ субъекта, который обеспечивает его легитимность» [3, с. 86].

Появление нового знания ведет к появлению проблемы легитимации новых правил языковой игры и легитимации нового знания как такового. Сами правила имманентны игре и устанавливаются только посредством научного спора и принимаются на основе консенсуса экспертов. Однако не только ученые, эксперты могут устанавливать правила языковой игры и утверждать легитимность знания о бытии, но и само общество (народ) придает нормативность консенсусу экспертов. По утверждению Ж.-Ф. Лиотара, этот «народ» отличается от того «народа», что встречается в нарративном повествовании. Он представляет собой некоторую большую общность, активно разрушающую традиции нарративной культуры, воспринимающей как знание меньшинства; не ограничивается сферой «денотативных, раскрывающих истину высказываний» и продуцирует «прескриптивные, претендующие на справедливость» высказывания [3, с. 77–78].

По мнению Ж.-Ф. Лиотара, движущей силой прогресса выступает не само знание, а свобода воли, которая дает возможность легитимировать не только денотативные высказывания, но и прескриптивные (то, что у И. Канта именовалось «императив», а на языке современной юриспруденции называется «предписание»). Ученый не только информирует о действительности, но и дает возможность «нравственности» (предписания, прескриптивные высказывания) стать действительностью. Он может отказывать в научной поддержке той власти, которую считает несправедливой, а в этом и заключается специфика ситуации постмодерна. Конечной целью научного знания должно стать освобождение человечества от несправедливости.

Еще в XIX в. в европейской культуре обнаруживаются первые ростки и «делегитимации» знания, однако этот процесс обретает свою полную силу только в эпоху постмодерна, чья культура уже строится на принятии языка «позитивных» наук как общего вида языка, который содержит в себе «предположения (формальные и аксиоматические), которые он должен объяснять» [3, с. 95]. Другими словами, это начало процесса делегитимации, «движущей силой которого выступает требование легитимации» [3, с. 95]. В результате, четкие границы наук эпохи модерна исче-

зают, начинают появляться «захваты» предметных областей, возникают межпредметные связи, исследования и комплексные науки. И меняется статус университета: «факультеты ограничиваются передачей знаний, считающихся установленными, и с помощью дидактики обеспечивают воспроизводство скорее преподавателей, чем ученых» [3, с. 96].

В эпоху постмодерна наука больше не может легитимировать другие языковые игры и себя так, как это предполагает спекуляция. Отраженные в языке социальные связи накапливаются вокруг социального субъекта, наслаиваются за счет растущих социальных связей и новых языков (например, программирования, «языков» и «языковых игр» субкультур – авт.). При этом единого, в лингвистическом смысле, метаязыка не существует, никто не знает и множества существующих языков; позитивизм как парадигма перестал носить универсальный характер, появился позитивизм частности, частной области научного познания; ученые превратились в научных сотрудников, решающих задачи по частям, – все это создает «пессимистическое впечатление» [3, с. 99], воплотившееся в философии Э. Маха и Л. Витгенштейна (предлагает легитимацию вообще «другого рода» – перформативность), искусстве Р. Музиля, К. Крауса, Г. фон Гофманшталя, А. Шенберга, Г. Броха и др.

В постмодернистской культуре новое значение приобретает результативность научных исследований, которая определяется не только приростом нового знания, но и возможностью ее применения в общественных отношениях.

В гносеологическом плане в этот период она переживает еще «два изменения: обогащение аргументации и усложнение предъявления доказательств» [3, с. 102]. По мере развития европейской культуры именно язык логики стал тем метаязыком, который до сих пор определяет аксиоматику новых языков. Результаты научного познания должны быть обоснованы, синтаксически завершены, определены (операция с понятием/понятиями – авт.), независимы от других аксиом. В отношении последних устанавливается консенсус между экспертами, которые принимаются остальными участниками научного познания (и (или) языковой игры). Необходимая для доказательства аргументация в этом случае заменяется на принятие правил (языковой игры – авт.). «Прогресс в знании», по утверждению Ж.-Ф. Лиотара, проявляется, во-первых, в создании нового «приема» аргументации в рамках установленных правил и, во-вторых, в изобретении новых правил [3, с. 106], что ведет к лиотаровскому «обогащению аргументации». Возникает «множество формальных аксиоматических систем, способных аргументировать денотативные высказывания» [3, с. 106], систем, «описанных универсальным, но не обоснованным метаязыком» [3, с. 106] (логики – авт.).

«Усложнение предъявления доказательств» как второй тренд развития науки постмодерна заключается не только в том, чтобы «сделать публичными средства доказательств» [3, с. 107], но еще и в привлечении к процессу легитимации науки технических средств, которые, как утверждает Ж.-Ф. Лиотар, служат «протезом органов чувств». При этом сама техника лишь повышает эффективность познания в плане затрат. К тому же, по Ж.-Ф. Лиотару, она требует и затрат, как на создание, так и на функционирование, становясь, как правило, частью мира богатых. Отсюда языковые игры богатых ведут их к преимуществу в легитимации знания о действительности: «самые богатые имеют больше всего шансов быть правыми» [3, с. 109].

Весь процесс признания результатов научного познания помещается в триаду: богатство, эффективность (производительность), истина.

С появлением капитализма эта система дополняется идеей о том, что без техники невозможно богатство: инвестиции в технику становятся инвестициями в богатство. Их целью становится не истина, а производительность. В сфере производства реализуется новый тип языковой игры – техническая игра. Как утверждает Ж.-Ф. Лиотар, денотативная игра строится вокруг истинности/ложности, прескриптивная – справедливости/несправедливости, техническая – эффективности/неэффективности [3, с. 112]. Техническая среда обладает определенной «силой»: усиливая «технические приемы, «усиливают» реальность, а следовательно, – шансы быть справедливым и правым» [3, с. 114], и наоборот, усиливая знания, получают «усиленную» технику.

Преподавание, как способ передачи знания, традиционно выступает одним из средств его легитимации. Легитимация самого преподавания в постмодерне осуществляется через его результативность («оптимальный вклад в наилучшую эффективность социальной системы» [3, с. 117]). В результате описанной выше «делигитимации» университетское образование формирует не идеалы, а отдельные компетенции: высшее образование уже не формирует элиту, «вовлеченную в решение великой задачи социального прогресса» [3, с. 118], «но поставляет системе игроков, способных обеспечить надлежащее исполнение роли на практических постах, которые требуются институтам» (идея Т. Парсонса – авт.).

Французский ученый предугадал возрастающий запрос заказчика кадров на специализацию, на знания частного, а не общего порядка, на навыки и умения коммуникации, пользования информацией, грамотной постановки вопроса (формирования поиска из банков данных). По его мнению, изменился не только сам университет (стал более доступным для масс и менее затратным, перестал быть простым передатчиком информа-

ции, став центром постоянной переподготовки и повышения квалификации), но и обучающийся, и заказчик, для которых главными критериями результативности образования стали меркантильность и эффективность.

Все эти изменения осуществляются на фоне устранения современным западным постиндустриальным обществом и постмодернистской культурой «коммунистической альтернативы» и придания ценности «индивидуальному обладанию благами и услугами» [3, с. 92–93].

Если в аграрную и индустриальную эпохи государство и его институты контролировали полностью или частично процессы конструирования социальной реальности, «разрешали обсуждать» знание о бытии и определять его истинность, то по мере становления постиндустриального общества происходит трансформация «знания о реальности», находящегося под нарастающим влиянием информации.

Знание в ситуации постмодерна становится не только одним из источников экономического процветания, но и источником власти, что открывает «новое поле для индустриальных и коммерческих стратегий, а также для стратегий военных и политических» [3, с. 20]. Отсюда информатизация общества тесным образом увязывается Ж.-Ф. Лиотаром с «вопросом об управлении» [3, с. 28] и, как следствие, «вопросом о власти». В постмодернистской культуре управление информацией может стать «желанным» инструментом контроля и регуляции системы [3, с. 158].

По утверждению французского мыслителя, культура и общество постиндустриальности актуализируют идеологию «коммуникационной прозрачности», дополненную идеей коммерциализации знания. При этом государство трактуется как источник помех, как «шум» и «фактор непроницаемости» [3, с. 20]. А сама идея «абсолютного контроля над системой, который должен улучшать ее результаты», ведет к обратному: увеличиваются затраты на контроль, что снижает эффективность самой системы. Бюрократии «душат контролируемые ими системы или подсистемы и задыхаются вместе с ними» [3, с. 134]. По мнению Ж.-Ф. Лиотара, это обусловлено тем, что начавшийся в 1970-е гг. кризис «государства всеобщего благоденствия» сопровождался запросом на «ослабление административного управления» и переход к «государству-минимуму» [3, с. 22], ограниченно влияющему на социокультурные процессы. По сути, ученый предугадал нарастающее к последней четверти XX в. противостояние гражданского общества и государства в информационной сфере, позже дополненное их противостоянием в вопросе общего функционального статуса государства, завершившееся переходом в первом десятилетии XXI в. последнего в статус партнера, а затем и, вообще, сервисного метаинститута.

Частично опираясь на системный подход Н. Лумана, Ж.-Ф. Лиотар утверждал, что система функционирует, сокращая сложность (ведет к повышению эффективности/производительности), и повышает приспособляемость индивида к собственным ожиданиям. По мере роста объемов информации становится затруднительным принимать решения, основанные на полном ее анализе. Возникает «соблазн» управления ожиданиями индивида для их «совмещения с решениями системы» [3, с. 147–148], принимаемыми в ускоренном порядке на основании неполного объема информации. Решения системы состоят не в удовлетворении желаний индивида, а в формировании желаний под запросы самой системы. Система влияет на формирование языков игр и познание. Во всех своих действиях она руководствуется эффективностью (утверждение применимо к обществам европейской цивилизации, перешедших и развивающих капиталистические идеи – авт.). Такое общество ориентировано на удовлетворение потребностей групп, находящихся в социальном расслоении над обездоленными, поскольку ориентация на последних многократно увеличит затраты системы и снизит ее эффективность.

Система формирует малую группу руководителей и массу исполнителей, которые должны подчинять свои ожидания целям самой системы. В таком ракурсе наука постмодерна предлагает антимодель (открытая система с релевантными высказываниями, порождающими идеи) устойчивой системы [3, с. 152–153]. Так, метаязык науки позволяет ей преодолевать попытки установления навязываемой системой языковой игры (переход в иные языковые игры или использование собственно метаязыка). Язык общества постмодерна – «наслоение гетероморфных классовых высказываний» [3, с. 155]. Язык науки – метаязык, дающий общие метапредписания, позволяющие в ходе языковой игры получать достоверные и аргументированные высказывания (идеи).

Кроме того, избежать контроля над системой конструирования социальной реальности (создания знания о бытии и его легитимация), по мнению французского мыслителя, позволит свободный доступ всех к информации, возможностям ее хранения и обработки.

В заочном споре Н. Лумана и Ю. Хабермаса о конечной цели науки Ж.-Ф. Лиотар принимает сторону скорее первого. Придерживаясь идеи о том, что концом научной прагматики является паралогия, французский ученый в нескольких местах своей работы заявляет о призрачности цели научной прагматики в теории Ю. Хабермаса – достижения консенсуса (диалога аргументаций). Даже если удастся его достичь, то он должен быть «локальным», допускать свое «расторжение» равноправными партнерами. В противном случае наука превратиться в рас-

сказ или инструмент подавления иных «несовместимых» с системой ожиданий индивида.

В заключение необходимо отметить следующее:

во-первых, представления Ж.-Ф. Лиотара о конструировании социальной реальности имманентно прослеживаются через призму его концепции о знании в эпоху постмодерна, а также строятся на достижениях науки и исследовании процессов, характерных для современной западной культуры, чье содержание и динамика начали воплощаться с 1960-х гг.;

во-вторых, в лиотаровской концепции конструирование социальной реальности (система идей о бытии) в культуре модерна осуществляется преимущественно посредством нарративов (рассказов), в культуре постмодерна – преимущественно посредством науки, которая может включать в себя «рассказы», создавая «метанарративы» (систему универсальных знаков и знаковых систем (понятий, суждений и умозаключений, формирующих единый тип конструирования реальности – система идей)). Субъектами конструирования социальной реальности эпохи постмодерна выступают ученый и специалист (эксперт), а также техника, в том числе обеспечивающая проведение исследований;

в-третьих, легитимация систем идей происходит в результате коммуникации («языковые игры», «языковая практика», «коммуникационное взаимодействие», иное) социальных субъектов, некоторая автономность которых обеспечивает снижение монополии отдельных социальных групп и институтов на создание, распространение, хранение и обработку информации, особенно в постмодернистской культуре. В нарративной культуре правила устанавливаются «сверху», в постмодернистской – только посредством научного спора, принимаются на основе консенсуса экспертов в форме четких «предписаний», утверждаются самим обществом. Поскольку достижение абсолютного консенсуса невозможно, то основанием нового механизма конструирования реальности и системы ее толкования, ведущих к потере монополии власти на знание, становится многообразие противоречивых «знаний о мире» большого числа заказчиков и креаторов идей и их систем («паралогия изобретателей»), а также процесс «„делегитимации“ знания, „движущей силой которого выступает требование легитимации“» (делегитимация знания ведет к множеству конкурирующих высказываний в научной сфере, а в образовательном пространстве и экономике – к специализации);

в-четвертых, возможность искажения информации обусловлена: а) самой природой речевой коммуникации (может выступать в форме «манипуляционной речи»); б) денотативностью и конотативностью единиц информации (проблема интерпретации социальными субъектами Ж.-Ф. Лиотаром в данной работе не исследовалась); в) правилами

«языковой игры», санкционированными «институцией» (отдельными социальными группами и институтами); г) инвестициями в технику, дающими преимущество состоятельным субъектам в создании, распространении, распоряжении информацией (утаивание данных, частичное информирование, иное); д) «соблазном» управления ожиданиями индивида (-ов) для их интеграции с целями/желаниями заказчиков и креаторов идей и их систем;

в-пятых, для нейтрализации манипуляций с информацией научное сообщество как креатор идей и их систем вырабатывает ряд правил: а) опора на денотат (денотативная игра строится вокруг истинности/ложности и исключает конотативные смыслы; б) конструированием социальной реальности (идей и их систем) занимаются только профессиональные ученые; в) научное знание объективируется в форме научных институтов; г) научное знание должно быть аргументировано и верифицируемо, его высказывания не обладают «силой законности», как у нарративного знания; д) внедрение идеологии «коммуникационной прозрачности» (ослабление регламентации, партнерские отношения социальных субъектов, свободный доступ всех к информации, возможностям ее хранения и обработки, иное); е) отказ в научной поддержке заказчиков и креаторов знаний о реальности, чьи идеи ведут к несправедливости; ж) опора на саму науку постмодерна как открытую систему с релевантными высказываниями, обладающую языком, позволяющим в ходе «языковых игр» не только получать достоверные и аргументированные высказывания, но и обходить попытки навязывания правил игры со стороны агентов несправедливости.

Список использованных источников

1. Леви-Стросс, К. Структурная антропология / К. Леви-Стросс. – М. : Наука, 1985. – 399 с.
2. Леви-Стросс, К. Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль / К. Леви-Стросс. – М. : Акад. проект, 2008. – 486 с.
3. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар. – М. : Ин-т эксперимент. социологии ; СПб. : Алетейя, 1998. – 159 с.
4. Марков, А.В. Постмодерн культуры и культура постмодерна / А.В. Марков. – М. : Рипол классик, 2018. – 254 с.
5. Марков, Б.В. Герменевтика Dasein и деструкция онтологии у Мартина Хайдеггера [Электронный ресурс] / Б.В. Марков // Anthropology.ru. – Режим доступа: <http://anthropology.ru/ru/text/markov-bv/germenevtika-dasein-i-destrukciya-ontologii-u-martina-haydeggera>. – Дата доступа: 30.06.2022.
6. Можейко, М.А. «Закат метанарраций» // Всемирная энциклопедия: Философия XX век / гл. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов, науч. ред. М.А. Можейко [и др.]. – М. : АСТ ; Минск : Харвест, Современ. литератор, 2002. – С. 268–269.

7. Можейко, М.А. Становление теории нелинейных динамик в современной культуре: сравнительный анализ синергетической и постмодернистской парадигм / М.А. Можейко. – Смоленск : Изд-во Смолен. гос. пед. ун-та, 2004. – 238 с.

8. Облагораживая демократию. Вызов постмодернистского века : реф. / сост. А.В. Валюженич. – М. : ИНИОН РАН, 1994. – 21 с.

9. Пропп, В. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки / В. Пропп. – М. : Колibri, 2021. – 640 с.

10. Терещенко, Н.А. Постмодерн как ситуация философствования / Н.А. Терещенко, Т.М. Шатунова. – СПб. : Алетейя, 2003. – 190 с.

11. Цурина, И.В. Социально-политический контекст философии постмодернизма : науч.-аналит. обзор / И.В. Цурина. – М. : ИНИОН РАН, 1994. – 52 с.

12. Штегмайер, В. Деконструкция и герменевтика. К дискуссии о разграничении / В. Штегмайер // Герменевтика и деконструкция / под ред. В. Штегмайера, Х. Франка, Б.В. Маркова. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 1999. – С. 4–9.

13. Callon, M. Sociologie des techniques? / M. Callon // Pandore. – 1979. – № 2. – P. 28–32.

14. Gouldner, A.W. The dialectic of ideology and technology. The origins, grammar, and future of ideology Critical Social Studies / A.W. Gouldner. – London : Mac-Millan Press, 1976. – 304 p.

15. Goffman, E. The presentation of self in everyday life / E. Goffman. – Edinburgh : University of Edinburgh, 1956. – 161 p.

16. Roheim, G. Psychoanalysis and anthropology : culture, personality and the unconscious / G. Roheim. – N. Y. : International Universities Press, 1950. – 496 p.

17. Schleiermacher, F. Die Anfänge : 1768–1808 / F. Schleiermacher, H. Beintker. – Berlin : Evang. Verl.-Anst., 1965. – 143 s.

18. Touraine, A. Lutte étudiante / A. Touraine. – Paris : Ed. Du Seuil, 1978. – 373 p.

Дата поступления в редакцию: 21.09.2022

УДК 316.4 + 355.01

М.Ю. Узгорок

СОВРЕМЕННАЯ ПРАКТИКА ЭФФЕКТИВНОГО ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ИМИДЖА СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Раскрывается сущность имиджа сотрудников органов внутренних дел; актуализируются роль и значимость имиджа в оценке обществом работы правоохранительной системы; предлагаются конкретные практические рекомендации формирования положительного внешнего и внутреннего имиджа сотрудников органов внутренних дел в современных социокультурных условиях.